

НЕ К ШЕЙХУ НА ПОКЛОН

Большой театр на авансцене большого рынка

— Вот теперь я наконец могу сказать, что в своей жизни прошел путь от рабочего до директора. Ведь жизнь у меня сложилась так, что уже в тринадцать лет я пошел на завод. Здесь, в Москве, на Красной Пресне. Был модельщиком по дереву, электросварщиком, столляр-краснодеревщиком. А на сцену попал, как и многие, из художественной самодеятельности. После «гнезники» вот уже 30 лет — в Большом. Меня часто спрашивают: чего это я, певец, вдруг на административную колею свернул, что, мол, «нормального» директора не нашлось? Я долго сопротивлялся, прежде чем дать согласие. И только потому, что понял: директором оперы должен быть человек, чувствующий актера, знающий его, как самого себя. Согласие-то я дал, но выговорил условие — директором стану на общественных началах, зарплату буду получать по-прежнему, как солист.

Ну а сама должность возникла как необходимость. Перемены в общественном устройстве, экономике неизбежно коснулись и сцены. Меня уже не удивляет, что в «репертуаре» Большого сейчас появились вроде бы несовместимые с творческой деятельностью слова — биржа, банк, предприниматель... Что поделаться, рынок. — Ну хорошо, Евгений Тихонович, предприниматель — это, очевидно, готовый спонсор, по-старинному меценат. Искусство всегда считалось для него престижной сферой приложения капитала. А при чем тут брокер с биржей?

— Большой справедливо называют национальной гордостью. Но и национальной гордости надо думать о выживании. Я, наверное, немного при этом лукавлю: такого класса театр никогда не умрет, даже оставшись без государственной дотации. Она сейчас смехотворно мала — в нынешнем году получили 6 миллионов. И столько же нам собирается предоставить Российская товарно-сырьевая биржа, два миллиона готова дать одна фирма, миллион — популярная газета...

— Во что сейчас обходится постановка спектакля? Ведь зрителю, в общем-то, безразличны ваши рыночные страдания. Ему подавай премьеры...

— Стоимость спектаклей, естественно, разная. Наиболее трудоемкие, со многими действиями, картинами, сложными декорациями, миллиона на два потянут. Большой театр — это ведь и традиции, от них негде отступать. Символы, которыми можно обозначить действие, далеко не всеми воспринимаются. Реальная обстановка эпохи, воссозданная на сцене, костюмы, всяческие эффекты многократно усиливают эмоциональное восприятие. А это, сами понимаете, стоит денег.

— Кстати, сколько получают за свой труд артисты советской оперы? И — зарубежной?

— Предприниматели объявляют это коммерческой тайной. Ну а мы никакого секрета из этого не делаем. Пишут же объявления в салонах автобуса: приглашаем на работу шоферов, оплата до 1,200 рублей. Вы можете себе представить, чтобы водитель-итальянец получал больше Лучано Паваротти? Не можете? Я — тоже. Хотя как солист по штатному расписанию получаю меньше московского шофера. Лишь совсем недавно мы за счет своих же заработанных денег вдвое подняли зарплату.

И все равно нам трудно угнаться за другими. Оркестр Вероники Дударовой, например, взял под свое покровительство какой-то шейх. Концертмейстеру, например, там сразу четыре тысячи положили.

И даже эти, по нашим понятиям, немалые доходы выглядят дилетантскими в сравнении с оплатой солистов зарубежной оперы. Там, на «диком» Западе, они получают в 50 раз больше. О звездах я уж не говорю.

знаменитого тенора, мол, затравили человека, интригами извели — вот и ушел. Между тем объяснение самое простое: певец выработал свое, получил право на творческую пенсию. А тут удачно подоспел контракт на пять лет. Ну и прекрасно, все рады. Но зачем же «стулья ломать», на которых долгие годы сам же и «сидел». Зачем искать виноватых в своем уходе, создавать подтекст, который легко истолковать как очередной скандалчик. Большой сделал

геневич выберет, а мы контракт — извольте подписать. Потом вставим его в репертуарный план — и все. Нестеренко наш. Нарушение контракта приведет к неустойке.

Раньше звезде, избалованной своим собственным характером и всеобщим почтением, ничего не стоило плюнуть на спектакль: «Ой, Женя, я не смогу завтра выступить: срочно в Нью-Йорк улетаю, пригласили». «Как в Нью-Йорк? — возмущаюсь. — Ты же в афише!» «Пусть заменят, я уже улетаю...» Попробовал бы западный артист так поступить. А у нас все сходило с рук, потому что не существовало экономических рычагов. Контракт, полагаю, положит конец капризам. Я уже однажды рассказывал, как Андрис Лиепа, выступая в Большом на гастрольях, повредил ногу. А у него контракт с австрийским балетом. Он звонит в Вену: выступать не могу, нога в гипсе. Ему вежливо, но твердо отвечают: мы вам верим, однако вы должны прилететь, чтобы вас осмотрели наши врачи. Так, вдвоем с костью Андрис и полетел в Австрию.

— Евгений Тихонович, рынок предполагает самостоятельность, в том числе и внешнеэкономическую. В какой степени это коснулось оперы Большого театра?

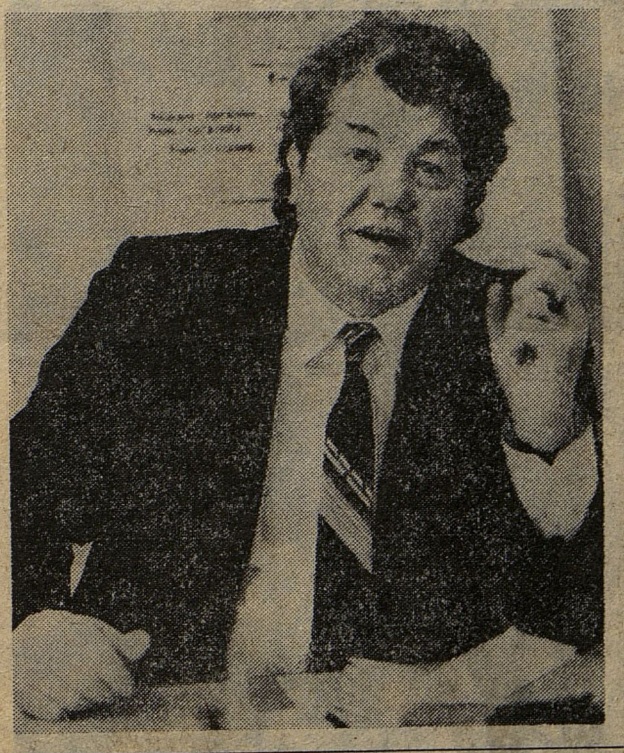
— Смеем сказать, в мире не найдется труппы, равной Большому. И потому возможности у театра огромны. Самостоятельность позволяет их использовать гораздо продуктивнее, чем раньше. По трудно объяснимым причинам опера Большого 15 лет не выступала в США. Нынешним летом гастроль прошли с огромным успехом. Не успели вернуться домой, как из «Метрополитен-опера» в Москву прилетели гонцы. Предлагают выгодный обмен солистами. Недавно мы заключили договор с итальянцами о совместной постановке «Князя Игоря». Режиссер, дирижер и художник — наши: Покровский, Лазарев, Левенталь (накие имена!). Солисты — наши и итальянские. В январе 92-го в Италию должна состояться премьера. И только потом весь спектакль переедет в Москву. На вторую, если так можно выразиться, премьеру. Ну и вот вам новость, о которой пока еще не знает никто. Мы нашли спонсора, который готов оплатить валютой выступления на сцене Большого театра Лучано Паваротти и Пласидо Доминго.

— Пользуясь случаем, «Рабочая трибуна» поздравляет вас с наступающим 30-летием сценической деятельности, желает вам успеха на обоих многотрудных поприщах — на сцене и в кресле директора. Как собираетесь отметить юбилей?

— Большое спасибо за поздравление. Особенно приятно получить его от «Рабочей трибуны» — газеты, которая предназначена прежде всего для защиты людей труда, к которым я причисляю и себя, бывшего краснодеревщика, и нынешнего солиста Большого театра. Ну, а юбилей для меня — станция, на которой поезд не останавливается. Буду петь в спектакле, выпускаю диск с русскими романсами и народными песнями. Кстати, среди них есть русские песни в обработке самого Людвиг ван Бетховена. Обязательно съезжу на подмосковную Верейскую швейную фабрику, с ней меня связывает давняя дружба.

Беседу вел
Михаил НИКОЛАЕВ.

Директор оперы, директор балета... Эти должности, непривычные даже на слух, появились в Большом театре совсем недавно. Примета времени? Знак приближения к рыночным отношениям?.. С таких вот скучных для искусства, но вполне логичных в контексте осени-91 вопросов началась беседа корреспондента «РТ» с народным артистом СССР Евгением Райковым. Известный певец, названный в свое время английской музыкальной критикой «Паваротти русских теноров», он и служит директором оперы Большого театра, оставаясь одновременно одним из ведущих солистов.

— Но, полагаю, наши звезды сравнение с западными видят иначе?

— Без сомнения. Солисты Большого идут нахват. И не только патентованные — молодежь. Она просто великолепно! Жаль, что у нас о ней плохо знают. А вот за рубежом их сразу замечают и оценивают. Что говорят широкой публике такие имена: Владимир Релькин, Юрий Нечаев, Николай Решетняк, Нина Раутно? А они сезоны открывают в «Метрополитен-опера», в «Ла Скала»! Лену Зарембо в Италии почти сразу назвали звездой первой величины. Катя Кудрявченко в Америке победила во всемирно известном конкурсе «Мадам Баттерфляй». А еще есть Людмила Гаврилова, Ирина Биккулова, Михаил Крутиков, Аркадий Мишенькин, Маша Гаврилова... Что вы о них читали, слышали?

Зато на экранах телевидения, страницах газет мелькают имена одной и той же эстрадной колоды. У них и известность, и бешеные, словно в насмешку над подлинным талантом, доходы. А если речь заходит о Большом, то только и читаешь, что театр разбегается, репертуар оскудел. Или досужие сплетни перетаскивают из одной газеты в другую...

— Возможно, нет дыма без огня...

— Нужна объективная, добросовестная информация. Сколько намеков со злорадным смыслом прозвучало в связи с отъездом за рубеж

тебя звездой, так и уйдя благородно, не хлопая дверью. Ведь за ней люди остаются.

— И все-таки, что делает директор, как говорилось еще совсем недавно, для закрепления кадров?

— На мой взгляд, в опере наступает безгололье. Италия, Испания да Россия с Украиной — вот, пожалуй, и все страны, которые исправно продолжают поставлять на мировую сцену превосходные голоса. Остальные делают это гораздо реже. Поэтому певцы Большого столь популярны. И я понимаю тех, кто стремится выступить в Милане, Нью-Йорке, Вашингтоне, Лондоне. И не понимаю тех, кто готов петь хоть в американском, извините, «Крыжопле», лишь бы за рубежом. Причем контракты подписывают, почти не глядя, продают себя за бесценок, пользуясь услугами сомнительных малых и совместных предприятий.

А пока лучшего средства, как вы сказали, «закрепления кадров», чем контрактная система, я не вижу. К концу сезона мы полностью перейдем на нее. Будем платить своим певцам хорошие рыночные деньги (со временем — и валютой), но и работу потребуем. Даже у суперзвезд. Такой, как Нестеренко. Позовем его и скажем: вот вам, Евгений Евгеньевич, репертуар, выберите партии, какие хотите спеть в течение, скажем, двух сезонов. Евгений Ев-